

В карете, едущей в резиденцию герцога, горничные отчаянно щипали друг друга, чтобы сдержать смех. Няня тоже едва сдерживалась, но регулярно делала неопишное выражение лица.

"Просто смейтесь".

сказал Его Высочество, почувствовав ситуацию. Как только люди внутри мало-помалу заметили это, они склонили спины и начали покачивать плечами. Они не могли открыто смеяться перед молодым членом королевской семьи с белым пластырем на лбу, поэтому они выбрали другой способ.

Няня выбрала более разумный способ.

"Ваше Высочество, вы много болели, не так ли? Ваше Высочество... Возможно, вы много думали о своем женихе. Мы не думали об этом... поэтому, возможно, проявили грубость. Иди сюда. Я обниму тебя".

Леонхард вздохнул и оказался в объятиях няни. Вместо того чтобы скрыть свое выражение лица, няня, заслонявшая собой вид принца, уставилась в потолок золотой кареты и бесшумно разразилась смехом.

'Потому что я нервничаю, когда думаю, что встречаю человека, который станет моим спутником на всю жизнь'.

Услышав это, служанки засомневались в своих ушах. 'Что ты пытаешься получить, продавая своего ребенка?', разве не это он говорил еще накануне?

И в следующее мгновение они засомневались от ушей до глаз.

Кронпринц, не сходя с ума, положил лоб на массивный деревянный стол.

Даже если это парта для детей, но ребенок - принц страны, она должна быть самого высокого качества.

Поэтому парта была сделана из лучшего дерева и была несокрушимой и прочной. Было почти чудом, что Леонхардт, с такой силой ударившийся лбом о ее поверхность, не потерял сознание.

Служанки, наложившие на покрасневший лоб пластырь, в конце дня ловко опустили челку, поднятую, чтобы прикрыть пластырь. Долгое время служанки щипали друг друга за бока и насильно сдерживали смех, думая, что если они будут смеяться здесь, то на следующий день их не уволят, а скорее отрубят голову за оскорбление члена королевской семьи.

Леонгардт продолжал вспоминать свою первую встречу с императрицей и повторял свои сожаления.

'Нельзя говорить "паутина", нельзя просто говорить "паутина". Да, скорее... скорее. . . Что я должен похвалить?

Однако, сколько бы он ни оглядывался на свою память, она напоминала паутину. Ничего не приходило на ум, кроме жары из-за того, что над ним смеялись.

Леонхард считал искренним счастьем, что он зарылся лицом в теплые объятия няни.

Иначе на этот раз окно королевской кареты могло быть разбито его головой.

Если бы Леонхард встретил ее на этот раз, то вместо того, чтобы повторять глупости в том же духе, он решил полюбоваться, как прекрасны ее серебристые волосы.

И если бы он уговорил ее, как планировал, и сделал эту помолвку несуществующей.....

сможет ли она действительно быть счастлива?

"Посмотри на его выражение лица, неужели он ожидает немногого, несмотря на то, что он ребенок?"

"Разве ты тоже так не думаешь? Я думаю, ты можешь считать это так, даже если это не ожидание, а скорее волнение."

"Тсс, его высочество проснется. Почему-то мне кажется, что я никогда не видела ничего подобного сегодняшнему дню с тех пор, как поступила на службу к его высочеству".

Было такое чувство, что болтовня фрейлин постепенно отдалялась.

Сможет ли императрица прожить счастливую жизнь, если у нее действительно не будет этой помолвки?

Сможет ли она встретить того, кто по-настоящему полюбит ее и отдаст ради нее все?

Только заняв место императора, он смог понять, почему его отец был вынужден заключить неинтересную сделку с герцогом Элизиума.

Как семья с давно устоявшимся герцогством, породившая императорскую семью и первую императрицу, не было бы никаких неловких и неудобных отношений, если бы их собрали в

одном месте.

Императорская семья и Элизиум заключили союз, чтобы поддерживать дружеские отношения, по крайней мере, выразительно, а не просто глядя друг другу в глаза.

Самый легкий и самый прискорбный путь друг для друга.

Это был политический брак между императорской семьей и герцогом.

Каким нелепым и жалким казалось ему, который должен был стать наследником престола, то, что они были привязаны друг к другу на одной лодке еще в нерожденном возрасте.

Возможно, его отношение к императрице было вызвано тем, что эта нелепость его раздражала.

Однако он должен сердиться не на невинную императрицу. Это его отец и он сам не смогли укрепить трон в одиночку.

Веки становились все тяжелее и тяжелее. Леонгардт потерся пульсирующим лбом о плечо своей няни, закрыв глаза.

Независимо от того, была ли помолвка частью процедуры бракосочетания или нет, казалось, что привыкание к телу ребенка будет самой неотложной задачей.

Пока он полностью не заснул, он бесконечно задавал себе вопросы.

Что, если императрицу снова заставят сесть в кресло императора?

Что, если она станет императрицей или королевой не империи?

Нет, нет, мне не нужно все.

В конце концов, что, если она встретит кого-то, кроме меня, но не будет счастлива?

Не найдя ответа на последний вопрос, он изменил свои планы.

'Давайте изменим определенное будущее. Она - невеста наследного принца, который станет наследной принцессой, а затем императрицей. Вместо того чтобы насильно менять это будущее, мне нужно изменить себя. Мне просто нужно сделать ее счастливой. Но...

Леонхард снова открыл глаза, чувствуя, как его маленькое сердце бьется бойко.

Одна сторона его сердца была заполнена совестью, которая, исчезнув, когда он стал взрослым, возвращалась.

'Заслуживаю ли я того, чтобы сделать ее счастливой?'

Леонгардт, с усилием разлепив закрывающиеся веки, мысленно просил разрешения у императрицы, с которой ему предстояло вскоре встретиться.

"Если вы позволите, клянусь, я сделаю для вас все, что угодно. Императрица, моя императрица, могу ли я любить тебя? Могу ли я только в этой жизни сделать вас счастливой?".

<http://tl.rulate.ru/book/61436/2032553>